

Н.И.БИЛАН

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени акад. В. Лазаряна*

ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ФРЕКВЕНТАЛИЙ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Розглядаються засоби передачі при перекладі англійською мовою основного семантико-синтаксичного значення фреквенталій російської та української мов. Запропоновано розроблену на основі мовних засобів вираження мовної універсалії активності / пасивності класифікацію фреквенталій російської й української мов і доводиться кореляція механізмів мовного представлення активності / пасивності у відповідних англійських фреквенталіях.

Рассматриваются средства передачи при переводе на английский язык основного семантико-синтаксического значения фреквенталий русского и украинского языков. Предлагается разработанная на основе языковых средств выражения языковой универсалии активности / пассивности классификация фреквенталий русского и украинского языков и доказывается корреляция механизмов языкового представления активности / пассивности в соответствующих английских фреквенталиях.

The ways of translating into English the main semantic-syntactic meaning of Russian and Ukrainian frequently used utterances have been considered. A classification of the Russian and Ukrainian utterances on the basis of means of expressing the linguistic universal of activity / passivity has been developed and the correlation of the mechanisms of conveying activity / passivity in the corresponding English sentences has been established.

Професійний переклад потребує виявлення максимально повного об'єму содержания повідомлення, зробленого на мові оригіналу і знаходження в мові перекладу мовних структур найбільш точно передаючих все компоненти значення перекладомого тексту. Актуальність теми даної статті обумовлена необхідністю вивчення співвідношень семантико-синтаксических структур висловлювань українського, російського і англійського мов в світлі сучасних семантико-синтаксических теорій.

Цілью статті являється аналіз семантико-синтаксических структур фреквенталій українського, російського і англійського мов, до сих пор являючихся предметом лінгвістических спорів. Достиження поставленої цілі здійснюється за допомогою виявлення семантико-синтаксических механізмів вираження категорії активності / пасивності в аналізованих фреквенталіях українського, російського і англійського мов, що являється задачею даного дослідження.

Робота над класифікацією предикативних мов російського мов, О. Н. Селиверстова приходить к виводу о том, что предикаты могут различаться, прежде всего, на основании того, является ли роль X-а определяющей для того, чтобы Р (характеристика предикативным членом) имело место или, напротив, появление Р определяется некоторой внешней по отношению к X-у силой Z. Так в примере *Мы получили прекрасный результат* X прикладывал усилия для того, чтобы Р имел место, но определяющую роль играли какие-то внешние обстоятельства. Такой X

О. Н. Селиверстова называет неопределяющим агентом. Если осуществление Р целиком определяется внешней по отношению к Х-у силой, такой Х называется пациенсом. Неопределяющую роль и только роль пациенс О. Н. Селиверстова приписывает Х-у в таких предложениях, как *Его знобит; Его бьет лихорадка* [6, с. 111].

Семантико-синтаксические процессы высокопродуктивной в русском языке конструкции «дезактивирующего» преобразования, проявляющейся в соотносительности личных конструкций с субъектом в именительном падеже с безличными предложениями, состоящими из факультативного дательного падежа субъекта и глагола 3 л. ед. ч. на *-ся*, например: *Я работаю – Мне (хорошо) работается*, Т. В. Булыгина объясняет при помощи семантического признака «контролируемость». Подтверждением того, что предикат, выражающий контролируемую ситуацию, превращается в предикат, выражающий «полуконтролируемую» и, соответственно, «демиактивную» ситуацию, является то, что подвергшийся дезактивирующему преобразованию предикат не может использоваться в распространенных целевыми обстоятельствами предложениях. [2, с. 77 – 80].

Очень важным в вышеприведенных исследованиях Т. В. Булыгиной, О. Н. Селиверстовой и является учет степени агентивности субъекта, обусловленной наличием или отсутствием воздействия внешних по отношению к субъекту сил, обладание агентивным потенциалом которых этими авторами не отрицается вне зависимости от той синтаксической позиции, которую эти контролирующие и определяющие ситуацию семантические элементы получают в поверхностной структуре высказывания. [6, с. 110 – 111].

В более позднем фундаментальном исследовании Ю. С. Степанова предложения типа *Его знобит; Его бьет лихорадка* трактуются как безобъектные и бессубъектные. Ю. С. Степанов пишет, что отсутствие объекта при предикатах категории состояния, которая в русском языке воплощается в таких предложениях, как *Здесь холодно; Мне холодно; Там темно; Мне темно*, отмечалось давно, а их бессубъектность оставалась вне внимания лингвистов [8, с. 26 – 27].

Если понимать под термином субъект в данном суждении единицу семантического уровня – семантический субъект, противопоставляемый семантическому объекту, то необходимо признать, что те из предложений, где есть «дезактивирующий дательный падеж» [3, с. 458] личного местоимения, действительно являются бессубъектными, так как объектная форма местоимения *я*, полностью согласуясь с семантическим контекстом данных предикаций, говорит о том, что соответствующий ей элемент семантической структуры является семантическим объектом – пациенсом. Следует отметить, что в анализе этих предложений О. Н. Селиверстовой объектная форма личного местоимения получает обоснованную интерпретацию в терминах семантического синтаксиса, то есть структура таких предложений объясняется в полном объеме, между тем как у Ю. С. Степанова дательный падеж личного местоимения упоминается только в названии этого типа предложений – конструкции с присоединенным дативом [8, с. 27].

А. В. Бондарко в отношении таких безличных предложений, как *Вечереет; Морозит; Смеркается; Меня знобит*, занимает позицию близкую позиции Ю. С. Степанова. А. В. Бондарко квалифицирует эти предложения как неpassивные в связи с отсутствием содержательных и формальных признаков пассивности, что является для этого лингвиста достаточным основанием для утверждения

принадлежности таких предложений к активу. Такие конструкции А. В. Бондарко относит к «трудным случаям», так как в них нет явного положительного признака актива – соответствия «субъект как источник действия / подлежащее» и шире «субъект / носитель предикативного признака», поскольку, по мнению этого автора, в таких предложениях нет ни подлежащего, ни какого бы то ни было другого носителя предикативного признака. Однако А. В. Бондарко отмечает явные грамматические признаки актива этих предложений – невозвратность (*Моросит; Светает*) или неpassивную возвратность (*Смеркается*), возможную переходность (*Меня знобит; Его лихорадит*). При признании переходности глаголов, свидетельствующей об активности этих синтаксических структур, в анализе А. В. Бондарко остается необъясненной объектная форма личных местоимений последних двух предложений [1, с. 138].

В предложениях типа *Мне не спится; Сегодня мне хорошо работается; Ему взгрустнулось* А. В. Бондарко не усматривает признаков пассива, так как нет участника ситуации, который являлся бы объектом действия и занимал бы при этом позицию подлежащего. Нет в этих предложениях, по мнению лингвиста, и субъекта действия в позиции подлежащего [там же]. В концепции А. В. Бондарко все неpassивные конструкции относятся к активным [1, с. 134 – 141], даже такие, в которых пассивное значение передается лексически. В терминологии А. В. Бондарко лексический пассив предложений типа *Он испытывает давление со стороны* – это немаркированное выражение пассивности – то есть выражение неграмматическими средствами семантики, близкой к значению пассивности [1, с. 139].

Однако в заключение анализа подобных предложений А. В. Бондарко приходит к выводу, что в них представлена та неявная выраженность содержательных и формальных признаков как активности, так и пассивности, та семантико-синтаксическая переходность, которая создает условия для различных истолкований [там же]. Последние варьируются от активности (трактовка А. В. Бондарко [1]) через демиактивность (позиция Т. В. Булыгиной [2, с. 77 – 80]) до пассивности (точка зрения В. С. Храковского [9, с. 177 – 179]).

Принимая теоретическое положение С. Д. Кацнельсона о том, что многие грамматические категории оказываются «запрятанными» в значениях слов и синтаксических связях слов в предложении [5, с. 82], в трактовке предложений типа *Сегодня мне хорошо работается* мы присоединяемся к мнению Т. В. Булыгиной, квалифицирующей такие предложения как демиактивные [2, с. 77 – 80]. Что же касается предложений с лексически выраженным пассивом (предложения типа *Он испытывает давление со стороны*), мы присоединяемся к лингвистической традиции квалификации таких предложений как синтаксических структур с супплетивным пассивом. Распространенность форм супплетивного пассива Ю. С. Степанов демонстрирует с помощью эвфемистического клише *пасть от рук*, вошедшего в различные европейские языки благодаря переводам с греческого, где оно было обычной формой выражения пассива [8, с. 49].

Таким образом, объектная форма личных местоимений предложений с дезактивирующим дательным соответствует семантическому объекту этих предложений.

А. В. Бондарко для анализа неопределенно-личных (конструкции типа *Вас ждут; Мне о нем говорили*) и обобщенно-личных предложений (*Иногда не знаешь, как поступить*) использует понятие носителя предикативного признака, представленного в глагольной словоформе. В данных предложениях носителю

предикативного признака, совмещенному с предикатом в одной глагольной словоформе, соответствует семантический субъект. В сочетании с такими грамматическими признаками, как возможная сочетаемость с прямым дополнением (*Вас ждут*), невозвратность глагола либо возвратность, исключаящая, по мнению А. В. Бондарко, пассивное значение (*О вас беспокоятся*) позволяют этому лингвисту трактовать рассматриваемые неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения как активные, а не как пассивные [1, с. 131 – 132].

Нам представляется, что носитель предикативного признака в равной степени представлен в форме предиката и в безличных предложениях (*Вечереет; Моросит; Меня знобит*), что отрицается А. В. Бондарко [1, с. 138].

Семантическая структура безличных предложений типа *Вечереет; Смеркается; Моросит* объясняется грамматической категорией локации, представляющей собой ядро референции. Одним из основных видов референции является семантическая референция, реализующаяся через субъект предложения. При существовании различных типов предложений с устраненным субъектом Ю. С. Степанов показывает, что все они основаны на двух основных разновидностях индоевропейского предложения – первая на личном предложении с субъектом-лицом (*Так не говорят; Цыплят по осени считают*) и вторая – на личном предложении с субъектом-вещью (*Светает; Моросит*). Оба типа предложений сформировались в результате процесса устранения лица – в первой разновидности предложений устраняется «личное» лицо (*я, ты, он, она*) и остается его признак «одушевленность»; во второй – устраняется «неличное» лицо (*оно*) и остается его признак «неодушевленность». Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев предлагают сходную трактовку нулевого подлежащего, представленного «нулевыми лексемами со значением лица» в структурах неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений [4, с.41 – 62]. В. С. Храковский также считает, что в диатезе неопределенно-личной конструкции типа *Лодку опрокинули* «... центральную позицию подлежащего занимает Субъект, однако представлен этот Субъект специфической нулевой лексемой существительного со значением «люди»...» [9, с. 168 – 169].

Таким образом, предложения, которые А. В. Бондарко относит к активным (*Вечереет; Моросит; Смеркается; Меня знобит; Мне не спится*), по нашему мнению, распределяются на активные с устраненным субъектом-вещью – не конкретизированной внешней по отношению к семантическому объекту, представленному объектной формой личных местоимений, силой (*Меня знобит; Его лихорадит*) и локус предложения (*Вечереет; Моросит; Смеркается*), где субъектом является *погода* или *природа* [7, с. 337]; демиактивные (*Мне сегодня хорошо / легко работается*) [2, с. 77 – 80] и пассивные (*Мне не спится; Мне не работается*), в отношении которых мы присоединяемся к трактовке всех структур с дезактивирующим дательным падежом В. С. Храковского [9, с. 178 – 179] только для характеристики отрицательных предложений и предложений с супплетивным пассивом.

Предлагаемая семантико-синтаксическая классификация рассматриваемых фреквенталий соответствует аналогичным семантико-синтаксическим структурам выражения категории активности / пассивности в высказываниях английского языка.

Пресуппозиционный субъект *природа* активных конструкций локус предложений русского и украинского языков (*Моросит; Смеркается*) получает в

английском языке формальное выражение в виде местоимения 3 л. ед. ч. *it* (*It is drizzling; It is getting dark*).

Пассивность состояния одушевленного лица, находящегося в фокусе эмпатии как в русском и украинском, так и в английском языках в предложениях типа *Меня знобит; Его лихорадит* в английском языке передается супплетивно *I feel shivery; He feels feverish* в сочетаниях десемантизированного аффективного предиката *to feel* и прилагательных *shivery* и *feverish*, которые заключают в себе внутренние объекты *shiver* и *fever*, являющиеся каузирующими, т.е. семантически доминантными элементами семантико-синтаксических структур предложений английского языка. Во всех трех языках существуют высказывания с лексически выраженным пассивным залогом, в которых внутренний объект предиката *лихорадит* оречевляется в форме имени существительного – русск. *лихорадка*, укр. *лихоманка*, англ. *fever*, управляющего предикатом –бенефактивного состояния *страдать* – *Он страдает от лихорадки; Він страждає від лихоманки; He suffers from fever*.

Пассивные конструкции русского и украинского языков *Мне не спится / не работается; Мені не спиться / не працюється* переводятся на английский язык предложениями *I can't sleep / work*, в которых значение пассивности передается модальностью невозможности.

Демиактивность предложений *Мне сегодня хорошо / легко работается* выражается в английском языке конструкцией с подлежащим *it*, обозначающим неконкретизированную силу, которая является источником +бенефактивного воздействия на лицо исполнителя действий, представленного в позиции предложного дополнения *It is easy for me to work today*. Факультативно заполняемые позиции обстоятельств причины, соответствующие агентам семантико-синтаксических структур объясняют пассивность предложений *I can't sleep / work for some reason* и понижают роль участника, соответствующего подлежащему 1л.ед.ч. *I* предложения *For some reason I work with pleasure* на один ранг – т. е. до роли экспериенцера, указывая на произвольность его действия, формально представленного в активном залоге.

Полученные в результате проведенного семантико-синтаксического анализа средств перевода на английский язык рассмотренных русских и украинских фреквенталий данные указывают на то, что основные механизмы определения языковым сознанием самого активного начала обозначаемых фреквенталиями ситуаций объективной действительности являются общими для русского, украинского и английского языков, что, безусловно, должно учитываться и находить выражение в практике перевода. Перспективным представляется изучение средств перевода на английский язык различных типов семантико-синтаксических структур русского и украинского языков в свете современных положений семантико-синтаксических теорий.

Библиографические ссылки

1. Бондарко А. В. К определению понятия «залоговость» // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербургское отд-ние, 1991. – С. 125 – 141.
2. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / АН СССР Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1982. – С. 7 – 86.

3. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Скрытые категории // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.457 – 458.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербургское отд-ние, 1991. – С. 41 – 62.
5. Кацнельсон С. Д. Типология языков и речевое мышление / АН СССР Ин-т языкознания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 216с.
6. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов / АН СССР Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1982. – С. 86 – 158.
7. Степанов Ю. С. Иерархия имен и ранги субъектов // Изв. АН СССР Сер. лит. и яз. – 1979. – Т. 38, №4. – С. 335 – 348.
8. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 247с. – Библиогр.: с. 234 – 246.
9. Храковский В. С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербургское отд-ние, 1991. – С. 141 – 181.

Надійшла до редколегії 29.05.2009